ВАЛ. ЗОРИН

Династия Морганов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автора этой брошюры — доктора исторических наук Валентина Зорина советские люди знают по серьезным научным трудам, популярным книгам. Его международные обозрения по радио и телевидению всегда вызывают большой интерес. В этой брошюре он рассказывает о крупнейшем монополистическом объединении современного империализма — о банкирском доме Морганов. Автор бывал в США, лично знаком с представителями моргановского бизнеса, и поэтому повествование в ряде глав ведется от первого лица. В брошюре раскрывается жестокая правда о Морганах, о том, как создавалась их «империя», что она представляет собой в настоящее время.

Брошюра входит в серию «Владыки капиталистического мира», рассчитанную на широкий круг читателей. Она одинаково интересна пропагандисту и агитатору, студенту и рабочему, школьнику и домохозяйке, всем, кто интересуется экономикой капиталистических стран.

-
- Валентин Сергеевич ЗОРИН
- Традиции и бизнес, или об одном несостоявшемся рандеву
- Так они начинали
- Несекретные секреты
- Границы империи
- Морганы уходят в подполье
- Объяснимые парадоксы
- Морганы и Вашингтон
- Кто они, Морганы, сегодня!

Валентин Сергеевич ЗОРИН
Династия Морганов

Традиции и бизнес, или об одном несостоявшемся рандеву

Официальные справочники утверждают, что местом средоточия высшей политической, экономической, административной и прочей власти Соединенных Штатов Америки является город Вашингтон, расположенный в федеральном округе Колумбия. Первое, куда обычно ведут посетителя американской столицы, — это невысокое, с обилием колонн, построенное в ложноклассическом стиле здание, известное как Белый дом — резиденция президента Соединенных Штатов. «Здесь решаются судьбы страны, вершится мировая политика», — с казенной высокопарностью заученно твердят, обращаясь к затаившим дыхание стаям провинциалов, штатные гиды.

Воротилы американского бизнеса не читают путеводителей, не разгуливают по Вашингтону в качестве туристов, не раскрывают рта, в почтительном удивлении внимая песнопениям хорошо оплачиваемых трубадуров. А если им и доводится посетить Белый дом, то делают они это без робости и трепетного почтения. Правда, иногда многое делается с черного хода, но вовсе не потому, что они не решаются ступить на мраморные ступени парадных лестниц, а по причинам, которые побуждают их не выставлять напоказ, что они здесь свои люди.

Что же касается места средоточия власти, то на этот счет у них нет никаких иллюзий, и внешне невзрачное здание из потемневшего от времени кирпича, находящееся за несколько сот миль от Белого дома, на одном из тихих перекрестков Нью-Йорка, вызывает у них значительно больше почтения, переходящего в благоговение, нежели любое из помпезных вместилищ официальной благодати…

К этому-то нью-йоркскому зданию теплым сентябрьским днем и направил свои стопы автор этих строк. Сюда влекло его не праздное любопытство, а желание собрать как можно больше материалов о Морганах. Встреча с представителями этой крупнейшей монополии современного империализма могла бы сэкономить время, ибо многие сведения, которые приходится собирать буквально по крохам, можно было выяснить в беседе с руководителями, стоящими в центре моргановского бизнеса.

Поскольку хозяева дома, как правило, избегают шумной рекламы и не поощряют экскурсий, непредусмотренных визитов,

я решил действовать на собственный страх и риск. Для того чтобы добраться до цели, мне пришлось спуститься в душное подземелье нью-йоркского метро. Несколько минут грохота в мрачных катакомбах подземной дороги «самого богатого в мире города», и позади остался центр с его фешенебельными кварталами. Десяток-другой ступеней, засыпанных давно не убиравшимся мусором, и я на тротуаре Бродвея. Нет, это не та многократно описанная и изображенная в десятках кинофильмов, сверкающая огнями улица, так сказать, городской фасад. Здесь, в так называемом Даун-тауне — Нижнем городе, протянувшаяся на много километров через весь гранитный остров Манхэттен улица весьма непрезентабельна, чтобы не сказать больше.

Уже давно отсюда уехали состоятельные люди: жить здесь им и неудобно и «неприлично». Одна за другой за ними перекочевывают и штаб-квартиры крупнейших банков, корпораций, когда-то густо гнездившиеся именно в этой части города. Сегодня признаком респектабельности для фирмы является резиденция в центре города, где-нибудь на Мэдисон или Пятой авеню, где растут как грибы сверкающие медью, алюминием, стеклом и цветным пластиком пятидесяти- и более этажные громады. Они словно предназначены для того, чтобы показать: смотрите, как богаты хозяева банков и фирм, расположенных здесь. Положение их прочно, как скальное основание, на котором стоит их фундамент, их доходы так же высоки, как взметнувшиеся ввысь конструкции — чудеса современного инженерного и строительного искусства. Правления корпораций и банков одно за другим покидают знаменитый Уоллстрит, перекочевывая в новые районы: ничего не поделаешь — мода. Не последуешь за ней — того и гляди, потеряешь доверие клиентов.

И тем не менее я не ошибся, направившись в суетливый и грязноватый Даун-таун. Банкирский дом Морганов, так же, как и много десятилетий назад, расположенный в потемневшем от времени приземистом и мрачном здании из темного кирпича, не нуждается в рекламе своей прочности, в алюминиево-стеклянном модерне. Он не гонится за блеском шикарных кварталов, его репутация в кругах большого бизнеса достаточно прочна, чтобы позволить себе пренебречь велениями моды. А пока Морганы остаются на Уолл-стрите, Уоллстрит остается цитаделью американского капитала.

Несколько десятков шагов вниз по Бродвею, и мы у церкви «Святой троицы» — готического собора средних размеров, к которому примыкает небольшое кладбище. Путеводитель по городу с готовностью сообщает, что на этом кладбище нашли

вечное успокоение знаменитые американцы Александр Гамильтон, Роберт Фултон. Из него же мы узнаем, что именно здесь, на этом кладбище, в маленьком домике в 1754 году начал свое существование знаменитый ныне Колумбийский университет, называвшийся тогда «Кингз колледж».

Но не кладбищу, не мужам, на нем похороненным, и даже не экстравагантности основателей университета, избравших в качестве его колыбели кладбищенскую хижину, обязано это место своей всемирной, хотя и мрачноватой, славой. Отсюда, от церкви «Святой троицы», берет свое начало протянувшееся всего на несколько сот метров узкое ущелье Уолл-стрита — улицы, ставшей символом хищнического американского капитала. Несмотря на солнечный день, на улице царил сумрак. А вот и цель: на углу Уолл-стрита и пересекающего ее Брод-стрита здание под номером 23. Небольшая, начищенная до блеска медная табличка на массивных дверях сообщает, что здесь обосновался банкирский дом Морганов.

Вот он, знаменитый «Угол», в течение многих десятилетий играющий роль одной из подлинных столиц капиталистического мира, место, куда сходятся незримые нити, дергая за которые хозяева этого дома вкупе с другими воротилами крупного капитала неприметно для посторонних глаз и вместе с тем весьма реально, направляют экономическую и политическую жизнь Соединенных Штатов, оказывают самое существенное влияние на политический курс многих столиц капиталистического мира.

Внутри дома — чинный сумрак и прохладная тишина, солидные клерки, бесшумно скользящие в мышиного цвета костюмах — на физиономиях сладчайшее выражение готовности на все, — впархивающие в солидные кабинеты за массивными дверями. Глубоко под землей — бетонированные подвалы, где за стальными 52-тонными дверями с дистанционным управлением, в бронированных отсеках, под охраной сложнейших систем, ключ к которым известен лишь двум-трем людям, покоятся несметные сокровища. В центре здания — зал со стеклянными стенами и перегородками. В зале, отделенные друг от друга зеркальными стеклами, полтора десятка подчеркнуто старомодных конторок с неменее старинными приборами. За ними восседают холеного вида мужчины. Это тузы и ответственные руководители морган овского бизнеса.

Они верны традициям. Предпочитают сумрачный Уолл-стрит фешенебельной Мэдисон-авеню, невзрачное кирпичное здание — алюминиево-стеклянным чудесам, допотопную мебель, а ля мистер Пиквик — ультрамодерну. Но не спешите с выводами. «Несмотря на приверженность традициям, ничего старомодного в

стиле работы банка Морганов нет», — утверждает журнал «Лайф». А он знает, что говорит: Морганы среди тех, кому этот журнал принадлежит.

«Империя Морганов» — незримое государство в государстве. Как и всякое государство, эта империя имеет свои границы, историю, свою внутреннюю и внешнюю, тайную и явную политику, своих владык и визирей…

За несколько дней до описанного здесь путешествия на Уолл-стрит автор этих строк обратился к одному из нынешних руководителей «моргановской империи», мистеру Генри Клею Александеру (о нем еще речь впереди), с предложением о встрече. Уже миновали те времена, когда американские бизнесмены не считали себя заинтересованными в контактах с представителями советской общественности, и сейчас наигранное безразличие сменилось нескрываемой и повышенной заинтересованностью. Крайне обеспокоенные перспективой того, что английские, японские, западногерманские и иные конкуренты обойдут их в заключении выгодных торговых сделок с социалистическими странами, представители американского делового мира используют любую возможность для того, чтобы встретиться и побеседовать с советскими специалистами, дипломатами, журналистами, приезжающими в Америку, обменяться мнениями о перспективах расширения торговли, обсудить другие интересующие их проблемы.

В дни пребывания в Соединенных Штатах мне довелось убедиться в этом не раз. У меня состоялась не одна встреча и беседа с видными представителями американского делового мира, и потому письмо на фирменном бланке «Морган гаранта траст компани» даже не столько удивило, сколько позабавило меня — ребячливость солидных дядей, которым перевалило уже за 60, всегда смешна. Мистер Александер, оказывается, был обижен… на советскую прессу! Как он горько сетовал в своем послании, один из советских журналов посвятил его деятельности заметку. Ни одного из фактов, сообщенных в этом объективном и сугубо деловом материале, господин Александер не опровергал, хотя бы потому, что это невозможно. Но поскольку общий тон этой заметки отличался от восторженных панегириков, которыми обычно награждает его печать американских монополий, избалованный лестью бизнесмен счел себя обиженным и надул губы.

Одним словом, рандеву не состоялось. Это, впрочем, не очень помешало выполнению поставленной мной задачи — собрать материал о деятельности, богатствах и амбициях «морганов-ской империи» сегодня. Документы, хранящиеся в архивах, отчеты

банков и промышленных корпораций, книги, материалы периодической печати, а также встречи и беседы с представителями американского делового мира, в том числе и на Уоллстрите, личные наблюдения и впечатления дали немало интересного и поучительного. Рассказывая о сегодняшнем дне банкирского дома Морганов, я, конечно, рискую еще больше разгневать неукротимого мистера Александера, но, как говорится, «бог не выдаст…».

Рассказ о Морганах — это рассказ о сегодняшних владыках Соединенных Штатов, тех, кто не стремится мелькать на авансцене, кто, предпочитая тишину деловых кабинетов и чинность заседаний банкиров политической трескотне и шумихе официального Вашингтона, стоит у истоков того, что именуется американским политическим курсом.

Так они начинали

В последние годы на американский книжный рынок одна за другой выбрасываются десятки книг — от многотомных квазинаучных сочинений до рекламных проспектов, цель которых — доказать, что создатели крупнейших состояний Америки, их первонакопители, были вовсе не «баронами-разбойниками», каковыми на протяжении многих лет их считала прогрессивная общественность, а некиими «рыцарями без страха и упрека», руководствовавшимися в своей деятельности единственно благом ближних и добившихся своих богатств исключительно честными и праведными путями, в силу своей особой одаренности и деловой гениальности.

На одном из первых мест по количеству панегириков, составленных преимущественно из подслащенной патоки и фальсификаций, находится Джон Пирпонт Морган-старший, известный в американской истории под достаточно красноречивой кличкой «Корсар», — основатель и создатель нынешней «моргановской империи». Правда, его сегодняшние биографы не в состоянии, рассказывая ***о*** Моргане-старшем, пустить в ход традиционную в Америке сусальную сказочку о бедном мальчике — продавце газет или чистильщике сапог, которому в награду за его трудолюбие и бережливость бог даровал миллион долларов.

Морган-старший, осчастлививший мир своим появлением в 1837 году, был сыном миллионера. Его папаша, Юний С. Морган, всеми правдами, а преимущественно неправдами сколотил немалое по тому времени состояние в несколько миллионов долларов. Готовностью на любые, самые темные махинации он добился расположения одного из крупнейших банкиров США XIX века — Джорджа Пибоди. Во время войны Севера и Юга банк Пибоди, занимаясь различного рода противозаконными махинациями и спекуляцией оружием, пробился в ряд крупнейших банков страны. Юний Морган, показав незаурядную изворотливость и полное пренебрежение нормами морали, сыграл в этой деятельности заметную роль и был в качестве награды удостоен места компаньона своего босса — хозяина банка.

Автор книги «История американских миллиардеров» Густав Майерс, касаясь этого периода деятельности первонакопителя из рода Морганов, пишет: «Биографы утверждают, что это накопление произошло путем законных операций, хотя они не

говорят, в чем состояли эти операции. Но если верить отзывам, которые появились в то время в американских газетах, операции Моргана не только далеко не были законными, но носили характер самой настоящей измены. Согласно описаниям того времени, операции Джорджа Пибоди и К⁰ были не просто изменническими, но представляли собой двойную измену, поскольку Джордж Пибоди и К⁰, оказывая неприятелю помощь, одновременно были уполномоченными Соединенных Штатов и получали очень хорошую плату за то, чтобы действовать в их интересах».

Итак, источником богатств «империи Морганов» была государственная измена во время гражданской войны в Америке. Однако по сравнению с тем, что за этим последовало, деятельность первого из Морганов была просто кустарничеством, жалкой самодеятельностью. «Корсар» оставил своего папашу — ординарного, хотя и удачливого спекулянта и махинатора — настолько позади, что именно ему, Джону Пирпонту Моргану-старшему, досталась слава родоначальника «моргановской империи».

Среди наследства, оставленного Юнием Морганом своему отпрыску, которому суждено было положить начало самой могущественной из империй современного капитализма, было нечто более важное, чем даже первый из моргановских миллионов. Этим богатством было особое положение моргановского банка, явившееся тем рычагом, при помощи которого «Корсар» превратил этот банк в ростовщика мирового масштаба. Стечением обстоятельств моргановскому банку досталась роль посредника в деловых операциях между молодой заокеанской республикой и сначала Англией, а затем и всей Европой. Все это и сыграло значительную роль в дальнейшей судьбе моргановских миллионов. В условиях, когда торговля между Старым и Новым светом приобретала решающее значение для американской экономики, связи с Англией и оказались тем «волшебным» средством, при помощи которого Морган сумел направить золотой поток в свои сундуки.

Обо всем этом официальные моргановские биографы по понятным соображениям сегодня умалчивают. Их версия возникновения богатства дома Морганов основана на том, что, дескать, в основе этого богатства лежат, во-первых, гениальные деловые способности старого Моргана и, во-вторых, его бережливость, которая позволила ему, отказывая себе во всем, во много раз преумножить состояние, завещанное отцом.

Ни в том, ни в другом утверждении нет ни грана правды. Что касается «гениальных способностей» и феноменального делового

«сверхчутья», будто бы ему присущих, то это просто-напросто выдумка, не имеющая ничего общего с действительностью. История американского бизнеса зафиксировала ряд случаев, свидетельствующих о том, что Морган-старший не только не выделялся деловыми способностями среди своих коллег, но просто сплошь и рядом оказывался в делах безграмотным профаном, допуская ошибки, очевидные даже начинающим дельцам.

Авторы нынешних панегириков по адресу Морганов не любят вспоминать о книге «Дом Морганов», написанной добросовестным американским исследователем Льюисом Кореем несколько десятилетий назад. А между тем в этой книге немало примеров, камня на камне не оставляющих от мифа о «гениальных способностях» Моргана-старшего. Приведем лишь два из них.

Один из самых опасных конкурентов Морганов банкир Гарриман (дед нынешнего уолл-стритского дельца и вашингтонского политика) упорно старался вытеснить моргановский капитал из правления Северной тихоокеанской дороги. С этой целью он стал повсюду скупать ее акции. Естественно, что этот усилившийся спрос привел к тому, что акции несколько подорожали. И вот «проницательный» Морган, не увидев опасности, которая была очевидной, поддавшись вульгарной жадности, решил использовать «выгодную», по его мнению, конъюнктуру и стал усиленно продавать свои акции, которые тут же покупали агенты Гарримана. Еще немного — и Морган лишился бы одного из самых доходных своих предприятий. Он сам лез в сети, расставленные конкурентом. Лишь в последний момент один из моргановских сотрудников осмелился намекнуть своему боссу, что он делает ошибку. Только после этого Морган прекратил спекуляцию.

А вот еще пример, не менее характерный. В 1908 году Вильям Дюрант, известный биржевой делец, основал автомобильную компанию «Дженерал моторе». Банкиры старой закваски смеялись над этой затеей. Они весьма скептически относились к будущему автомобильной промышленности и считали, что вкладывать в нее деньги — неумная авантюра и чистый убыток. В то время как более предусмотрительные дельцы уже разглядели огромную будущность этой отрасли промышленности, Морган, о гениальных деловых качествах и сверхъестественной проницательности которого пишет сейчас буржуазная печать, рассуждал так же, как самые недальновидные его коллеги. Во всяком случае, когда Вильям Дюрант пришел к старому Моргану и предложил ему приобрести «Дженерал моторе» за полтора миллиона долларов, тот выгнал его. А 12 лет спустя, в 1920 году,

наследникам Моргана, чтобы овладеть той же самой «Дженерал моторе», пришлось объединиться с Дюпонами, ибо за контрольный пакет акций надо было заплатить уже 80 миллионов долларов.

Таковы прославленные «проницательность» и «способность к предвидению» Джона Пирпонта Моргана-старшего.

Что же касается второго из китов, на котором, если верить словам моргановских писак, зиждятся богатства Морганов, — их традиционной семейной бережливости, начало которой будто бы положил Джон Пирпонт Морган-старший, то авторы этого мифа просто, очевидно, рассчитывают на короткую память и отсутствие любознательности у своих соотечественников. Достаточно любому американскому школьнику пойти в библиотеку и полистать газеты прошлого века, чтобы увидеть, что в чем в чем, а в бережливости старшего Моргана упрекнуть никак нельзя.

Обратимся к свидетельству того же Корея, благо этого респектабельного буржуазного исследователя никто не упрекнет в стремлении подрывать устои «американского образа жизни» и, тем более, капиталистической системы. Вот что он пишет: «Старый Морган отличался исключительной расточительностью. Его любовные истории буквально потрясали пуританскую Америку. Своих многочисленных любовниц, вербовавшихся из самых красивых женщин Европы и Америки, он одарял со щедростью, не уступавшей щедрости Людовика XIV к маркизе Монтеспан.

Он был религиозен, и поэтому у него была своя собственная церковь и при ней пастор, находящийся на его содержании. В церковь обычно он приезжал с очередной любовницей, поджидавшей его в карете. В этом он не находил ничего предосудительного, совмещая, таким образом, одновременно блуд духовный с блудом телесным». Свидетельство вполне авторитетное и в достаточной степени красноречивое!

И если уж говорить о семейных традициях и их основоположниках, то это отнюдь не традиция бережливости. Внуки и правнуки старого Моргана, унаследовавшие его состояние, и в наши дни не чужды забав, чудачеств и развлечений своего деда. Правда, в отличие от него, они стремятся не выставлять этого напоказ: не те ныне времена, чтобы дразнить миллионы бедных и голодных людей картинами того, как миллионы долларов пускаются на ветер ради удовлетворения прихотей и извращенных вкусов отпрысков моргановского семейства. Но нет-нет, да и просочатся на страницы прессы скандальные факты, свидетельствующие о том, что и по сей час живы традиции старого Моргана в его семействе.

Так, некоторое время назад пронырливые американские репортеры обнаружили на одной из нью-йоркских улиц фундаментальное сооружение из мрамора. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что сии мраморные хоромы — это… конюшня на сотню лошадей, принадлежащая Томасу Моргану, одному из нынешних представителей этого семейства. Ему же принадлежит построенный по последнему слову техники, со всеми видами современного комфорта дворец со специальным парком и искусственно вырытым прудом для купания, в котором обитает… несколько десятков собак. Правда, это не просто псы, а четвероногие из семейства Морганов, и посему, как убеждены в том их хозяева, им положена не конура, а шикарные палаты.

Так обстояли и обстоят поныне дела с традиционной морганoвской «бережливостью»!

Несекретные секреты

Но если гениальные деловые способности и бережливость первонакопителей из рода Морганов — это мифы, то в чем же секреты возникновения их гигантского состояния?

Это прежде всего цепь счастливых стечений обстоятельств. Об одном из них выше уже говорилось: положение посредника в торговле между Старым и Новым светом, волею случая выпавшее на долю морганoвского банка, один из тех волшебных ключей, который открыл этому семейству дорогу к богатству.

Другим из таких обстоятельств было то, что к началу нынешнего века в условиях бурного развития американского капитализма возникла объективная необходимость в каком-то центральном финансовом учреждении, которое взяло бы на себя регулирование рынка ссудного капитала. Между тем, такого банка в тот период в США не было. Кому-то надлежало взять на себя эту миссию. Но кому?

В это время в Америке существовало всего несколько банкирских домов, способных возглавить размещение выпусков ценных бумаг. Даже наиболее крупные коммерческие банки занимались главным образом краткосрочным кредитом, их связи с промышленными монополиями были непрочными, у руководства большинства таких банков стояли предприниматели средней руки. В таких условиях превращение банкирского дома «Дж. П. Морган» во временного, но почти абсолютного диктатора Уолл-стрита было, так сказать, закономерным порождением эпохи. То, что эта функция выпала именно на морганoвский банк, — счастливая для Морганов случайность. Эту роль мог бы взять на себя и кто-нибудь из его конкурентов.

Важным обстоятельством было и то, что с самого начала банкирский дом Морганов строил свое благополучие на «бизнесе смерти». Первая же деловая операция старого Моргана, совершенная им в 20-летнем возрасте, была связана с мошенничеством при продаже правительству Соединенных Штатов Америки партии устаревшего оружия. С тех пор любая война, где бы она ни вспыхивала, оборачивалась для семейства Морганов золотым дождем.

История американо-испанской войны, первой по своему характеру империалистической войны, свидетельствует о том, что за ее кулисами стояли Морганы, взявшие в свои руки главные подряды на поставку оружия правительству Соединенных Штатов. Когда английский империализм душил свободу Трансвааля,

колонизаторы стреляли в буров из винтовок, поставленных им Морганами. В 1900 году банк Моргана реализовал для британского правительства заем в 15 миллионов долларов — сумма по тем временам значительная, несколько месяцев спустя — еще 28 миллионов, затем последовал новый заем, на сей раз уже 100 миллионов, и, наконец, еще один заем — 80 миллионов долларов.

Колониалистские авантюры Сесиля Родса в Африке в конце XIX века наложили тяжелое бремя на британское казначейство, и свыше одной пятой военных расходов Англии, связанных с ее колониальными захватами, было в то время покрыто займами у банкирского дома Морганов. Захват зоны Панамского канала, осуществленный президентом Теодором Рузвельтом, — и новые десятки миллионов долларов перекочевали в бронированные подвалы морганoвского здания на Уоллстрит, 23.

Когда в Европе вспыхнула первая мировая война, барыши морганoвских банков стали стремительно возрастать. Воспользовавшись тем, что финансовые связи с банкирами Англии и Франции были почти целиком в их руках, Морганы скоро превратились в основного поставщика оружия для стран Антанты. На покупку оружия требовалось много денег, и через два-три года Европа оказалась в долговой кабале у дома Морганов.

Но вот силы воюющих сторон начали иссякать. В России произошла Февральская революция, и господа Морганы решили, что пора вмешаться в схватку, а то, того и гляди, революционный пожар перекинется на всю Европу, и тогда плакали их денежки. Профессор-краснобай Вудро Вильсон, восседавший в президентском кресле, деятель, о котором буржуазные историки понаписали сотни томов, где есть все, кроме того, что он был выдвинут на политическую арену Морганами и целиком и полностью от них зависел, по команде «Угла» в апреле 1917 года дал сигнал о вступлении США в войну. Американские парни отправились выручать морганoвские миллионы.

После окончания войны Морганы продолжали прибирать к рукам важнейшие позиции в экономике Западной Европы. Их внимание привлекла Германия. Пресловутый «план Юнга», способствовавший усилению агрессивных германских монополий, сыграл немалую роль в подготовке германским империализмом новой войны. Это сейчас общепризнанно. Но зато немногим в Америке известно, что вместе с председателем правления концерна «Дженерал электрик» Оуэном Д. Юнгом непосредственным автором этого плана был Джон Пирпонт Морган-младший — сын «Корсара». Поэтому утверждение о том,

что золото Морганов в немалой степени способствовало превращению сумасшедшего ефрейтора из завсегдатая мюнхенской пивной в германского «фюрера», залившего кровью мир, — не преувеличение, а абсолютно точная констатация факта.

И если уже говорить о традициях (речь идет не о рекламной приверженности к старому зданию и традиционным конторкам вместо письменных столов, а о действительных традициях, почитаемых Морганами всех поколений), то теснейшая связь с военным бизнесом, с его финансированием — едва ли не самая главная и стойкая традиция в деятельности морговского семейства!

Взять хотя бы последние 10–12 лет. За этот период американское министерство обороны — орган, руководящий гонкой вооружений и распределяющий военные заказы между компаниями и фирмами, — сменил несколько руководителей. Но по странному «совпадению» каждый раз во главе этого министерства оказывается либо непосредственный представитель морговских компаний, либо человек, близкий к ним. Судите сами: первым министром обороны в правительстве Эйзенхауэра был президент морговско-дюпоновской корпорации «Дженерал моторе» Чарлз Вильсон, тот самый Вильсон, который прославил себя циничной формулой: «Что хорошо для «Дженерал моторе», то хорошо и для страны». В его устах эта формула с одинаковым основанием могла бы прозвучать и так: «Что хорошо для Морганов, то хорошо и для США».

Вильсона сменил президент другой морговской компании, «Проктер энд Гэмбл», миллионер Нейл Макелрой. Ему на смену пришел Томас Гейтс — одна из наиболее влиятельных фигур сегодняшней «морговской империи». И нынешний министр обороны США Роберт Макнамара пришел в Пентагон с поста президента компании Фордов, связанной с морговскими банками. Меняются правительства, приходят и уходят президенты и их министры, но одно остается неизменным — Морганы и военный бизнес.

И, наконец, говоря об обстоятельствах неимоверного обогащения морговского семейства, которое сегодня, очевидно, является самой богатой семейной группой в мире, надо сказать и о личных качествах основателя «морговской империи». Но не о тех, о которых, захлебываясь от восторга, пустословит буржуазная пропаганда, а о действительных, способствовавших созданию сказочных богатств этого семейства. Такие качества, конечно, были. Полная беззастенчивость в выборе средств, презрение к каким бы то ни было моральным и человеческим нормам,

жестокость и алчность — вот что характерно для человека, которого ныне в США буржуазная пропаганда причисляет чуть ли не к лику святых. Не случайно он вошел в историю американского бизнеса под приклеенной ему его же сподвижниками, людьми, которых трудно было удивить жестокостью и бессовестностью, малопочтенной кличкой «Корсар», то есть, попросту говоря, бандит.

Сам старый Морган под конец своей жизни решил приукрасить себя в глазах потомков. Не потому, что он уж очень боялся их суда, — «Корсар» не верил ни в бога, ни в черта, — он просто считал, что приобретение некоторой респектабельности поможет его наследникам в бизнесе. С этой целью старый матерый волк решил предстать пред потомками в образе этакой невинной овечки, образцового христианина и печальника о судьбах человеческих. Свое завещание, которым он передавал сыну Джону Пирпонту Моргану-младшему сотни миллионов долларов, нажитые убийствами, мошенничеством и безжалостной эксплуатацией миллионов людей, он начал словами: «Я предаю душу свою в руки моего спасителя в глубокой вере, что, искупленную и омытую в его драгоценнейшей крови, он представит ее безгрешной пред отцом моим небесным. И я умоляю детей моих ценой всякого риска и личной жертвы поддерживать и защищать святое учение о полном искуплении грехов кровью Иисуса Христа, некогда пролитой ради сего». Не много найдется в истории других примеров такого бесподобного ханжества, отвратительнейшего лицемерия и бесстыдного словоблудия!

Словеса христианского «смирения» были лишь последней ложью 76-летнего пирата. Характеризуя его подлинный облик, буржуазный исследователь Л. Корей делает такой вывод: «Упорный в своей ненависти, Морган никогда не забывал и не прощал обиды, а обижался он легко. Отличаясь железной решимостью, Морган неустанно, беспощадно преследовал свои цели; и если при этом надо было затоптать людей — ну что ж, он их и топтал!» Что и говорить, «истинно христианская душа».

Нет, не любовь к ближнему, не деловая проницательность и не забота о процветании страны двигали родоначальником морганoвской империи. Целая цепь преступлений, от убийств до государственной измены, — таков путь создания крупнейшего состояния сегодняшнего капиталистического мира. И только человек с качествами Джона Пирпонта Моргана-старшего в условиях капиталистических джунглей мог сколотить столь крупное богатство. Тот факт, что это состояние оказалось в руках Моргана, как об этом говорилось, в известной степени случаен.

Но то, что его обладателем стал человек, явившийся вместилищем почти всех человеческих пороков, — не случайность, а закономерность капиталистического общества.

Границы империи

Чем же владеют сегодня наследники старого Моргана, каковы их богатства, влияние, сфера их деятельности, одним словом — каковы границы нынешней «империи Морганов»?

Ответить на этот вопрос не так просто. Сегодняшние Морганы предпочитают не афишировать своих богатств, стремятся прятать свои связи. Если брать банки и промышленные корпорации, о которых всем известно, что они входят в состав «морганoвской империи», то мы еще не получим полного и реального представления об их богатствах и влиянии. Помимо этих компаний имеются десятки других, в которых морганoвская власть, морганoвский контроль замаскированы и спрятаны от постороннего глаза. Посмотришь на такую корпорацию — вроде самостоятельное предприятие, нередко с оборотами в десятки, а то и сотни миллионов долларов. Но стоит приглядеться внимательнее, глубже изучить состав совета директоров такой компании, ее личные и финансовые связи, как обнаруживается совсем иная картина. Убеждаешься в том, что имеешь дело с составной частью широко раскинувшего свои щупальца бизнеса Морганов.

В связи с этим обстоятельством точных данных о размере активов, контролируемых Морганами, нет. Американские исследователи приводят различные цифры. Новейшие данные вращаются вокруг огромной, поистине астрономической цифры в 91 миллиард долларов. Активы компаний, входящих в морганoвскую группировку, составляют четверть всех капиталов корпораций США.

Для того, чтобы наметить границы «морганoвской империи», назвать хотя бы важнейшие «герцогства» и другие владения, входящие в ее состав, нам придется провести читателя через дебри цифр и наименований корпораций и банков, через сухие строчки деловых справочников и колонки цифр банковских отчетов. Но без этого рассказ о «морганoвской империи» будет неполным и неконкретным.

Группа Морганов осуществляет в настоящее время прямой контроль над 5 крупнейшими банками США, 32 промышленными корпорациями, среди которых такие, как «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн», «Дженерал электрик» и др. Под контролем Морганов находятся 13 крупнейших железных дорог, 3 гигантских страховых компании, 14 коммунальных предприятий.

Центром «империи Морганов» в течение многих лет является

финансовая компания «Морган Дж. П. энд компани». В конце 1958 года этот банк объединился с «Гаранти траст компани» в единый банк — «Морган таранти траст компани» с капиталом в 4 миллиарда долларов. Но размеры капитала, хотя сами по себе более чем внушительные, еще не дают полного представления о его влиянии и могуществе. Для того, чтобы это оценить в полной мере, следует тщательно и скрупулезно перелистать списки правлений ведущих корпораций. И тогда обнаруживается, что имена, которые значатся в качестве членов совета директоров «Морган гаранти траст», мы встречаем в списках директоров каждой четвертой из 100 крупнейших промышленных фирм США.

Это, так сказать, уния личная. А с 39 из 100 корпораций и фирм морган овский банк имеет теснейшие финансовые связи. Под контролем главного морган овского банка находится значительное количество банков, промышленных фирм, транспортных и страховых компаний, объединений коммунального обслуживания Америки.

12 из этих морган овских компаний входят в число объединений, капиталы которых превышают миллиард долларов, — так называемые компании-миллиардеры. Важнейшими среди них являются крупнейший уолл-стритовский банк «Бэнкерз траст компани» (2785 миллионов долларов), ведущие страховые компании США, сталелитейная монополия «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» (3620 миллионов долларов), «Дженерал электрик» (1728 миллионов долларов), «Фелпс Додж корпорейшн» и другие.

Большую роль в «империи Морганов» играет банк «Морган Стэнли энд К°». На первый взгляд, этот банк не входит в разряд наиболее могущественных, во всяком случае по объему своих капиталов. Однако в течение многих лет он занимает первое место по стоимости ежегодно размещаемых ценных бумаг.

Наибольшая доля капитала банка ($^1/_7$ часть) принадлежит Генри С. Моргану (раньше она составляла, по разным данным, от 30 до 50 %). Общее руководство банком с 40-х годов осуществляет Генри Морган, внук Джона П. Моргана-старшего, и его партнеры. Влияние «Морган Стэнли» объясняется тем, что он выбирает своих клиентов из числа не просто промышленных компаний, а лишь наиболее влиятельных корпораций, являющихся лидерами в своих отраслях промышленности. Таким образом достигается влияние, значительно превышающее размеры капитала, которым банк располагает.

Банки — фундамент «морган овской империи», основа ее могущества и влияния. Но Морганы не были бы Морганами — ярчайшими и типичнейшими представителями современного

монополистического капитала, — если бы ограничили сферу своей деятельности только банковскими сейфами. Слияние финансового и промышленного капитала, которое, как известно, является одним из характерных признаков монополий в эпоху империализма, можно сказать, в хрестоматийной форме нашло свое выражение в «империи Морганов».

Огромная промышленная машина, сотни предприятий в десятке отраслей промышленности приносят хозяевам этой «империи» многомиллиардные доходы. Невозможно здесь перечислить все виды моргановского бизнеса, расскажем лишь о наиболее крупных бриллиантах в промышленной короне моргановской династии.

Знал ли скромный инженер Александр Бейл Грейам, в 1876 году собравший первый телефонный аппарат, что это тогда еще нескладное сооружение из проводов и катушек окажется золотым дном для моргановского дома? Конечно, не знал. Раньше других своих соперников почуяв запах больших денег, Морганы наложили руку на это изобретение. И уже в 20-х годах нынешнего века они практически были собственниками не только всей телефонной сети страны, но и владельцами многих заводов, научно-исследовательских институтов и других предприятий связи. И сегодня житель любого из американских городов или поселков, набирая на диске своего телефонного аппарата номер знакомого или родственника, сам того не ведая, кладет свои деньги в морганoвский карман.

90 % всех капиталовложений в американские предприятия связи принадлежат сегодня «Американ телефон энд телеграф компани» — одной из самых прибыльных морганoвских фирм. Этот гигант не только эксплуатирует подавляющую часть телеграфной и телефонной сети США, но и производит большую часть телефонного и телеграфного оборудования. В последние годы в связи с растущим значением и прибыльностью различного рода электронных систем, прежде всего военных, а также счетно-решающих устройств, морганoвское семейство, не жалея денег, щедро вкладывает капиталы в электронную промышленность. С этой целью оно использует «Уэстерн электрик компани». А другая компания — «Белл лабораториз», сконцентрировавшая в своих руках значительную часть научно-исследовательских работ, призвана и впредь сохранять за Морганами господствующие позиции в этой области.

«Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» часто называют символом американского «биг бизнес» — большого бизнеса. И действительно, у сотен домен и мартеновских печей в Питсбурге и Чикаго, Бирмингеме и Джениве, в разных районах Соединенных

Штатов круглые сутки трудятся на Морганов сотни тысяч рабочих-сталелитейщиков. И когда ночное небо озаряется всполохами жидкого металла, сталевары знают, что в их ковши льется не просто сталь, льется золото, которое оседает все в тех же подвалах моргановского банка — хозяина сталелитейного гиганта.

О размерах «Юнайтед Стейтс стил» нет необходимости долго распространяться. Достаточно сказать лишь, что мощности одной лишь этой моргановской компании равны мощностям всей металлургической промышленности Англии и Франции, вместе взятым.

На заводах этой компании производится самая разнообразная продукция — от стальных конструкций до различного сложного машинного оборудования; от рельсов, кабелей, труб, проволоки и листовой стали до военных кораблей, грузовых и пассажирских судов и плавучих доков; от удобрений и предметов домашнего обихода до целых домов. «Почему домов? — может возникнуть вопрос у читателя. — Ведь строительство не имеет прямого отношения к металлургии?»

Одной из характерных особенностей морганoвского бизнеса является его стремление, подобно ядовитой плесени, распространяться вширь. Вступая в деловые связи с теми или иными компаниями вначале в качестве поставщика, в данном случае металлических конструкций, «Юнайтед Стейтс стил», опираясь на финансовые резервы морганoвских банков, нередко затем прибирает эти компании к рукам. Так в ее орбите появились заводы, изготовляющие разборные дома, компания по производству оборудования для нефтедобывающей промышленности, завод изоляционных материалов и другие.

Залезая на чужую территорию, корпорация в то же время ревностно следит за неприкосновенностью своих собственных границ. Ее руководители делают все, чтобы обеспечить себе максимальную независимость от конкурирующих фирм. Именно поэтому «Юнайтед Стейтс стил», не ограничиваясь выплавкой металла, держит в своих руках и добычу руды, и добычу угля. Ей принадлежат десятки рудников и шахт как на территории США, так и в других странах.

Современная черная металлургия требует больших масштабов производства и централизованного руководства. Объединив под своим контролем крупные металлургические комбинаты, «Юнайтед Стейтс стил» провела между ними специализацию, связанную с расширением ее хозяйственной территории и внешней экспансией.

«Сердцем» «Юнайтед Стейтс стил» является «Сентрал

оперейшн» — центральное отделение, куда входит бывшая компания «Карнеги Иллинойс стил корпорейшн». Ее мощности составляют примерно половину всех мощностей «Юнайтед Стейтс стил». Сюда же вошли и две компании, добывающие уголь и производящие кокс. Остальные отделения, в которые были превращены компании, контролируемые монополиями, организованы либо по территориальному признаку (на западе — «Коломбиа Дженива стил», на юге — «Теннеси коул энд эйрон»), либо по производственному («Америка стил энд уайр» — проволока, «Нейшнл тьюб» — трубы и т. д.).

Своими нынешними размерами «Юнайтед Стейтс стил» обязана не только моргановским богатствам, но и просто ловкости рук. Речь идет не о мозолистых руках сотен тысяч рабочих, а о шулерской ловкости рук самих владык. В годы второй мировой войны, когда президент Рузвельт обратился к предпринимателям с призывом поддержать усилия американского народа в войне с фашизмом и, в частности, расширить производство металла, необходимого для ведения войны, Морганы, так же как и другие их собратья по предпринимательскому Олимпу, заявили, что «у них нет свободных средств для строительства новых заводов».

Правительству пришлось за счет американских налогоплательщиков построить несколько металлургических заводов. Вскоре после войны эти заводы были переданы американским правительством «Юнайтед Стейтс стил». За новехонькие, находившиеся на полном ходу предприятия Морганы заплатили всего лишь около одной трети их стоимости. Если правительству они обошлись в 350 миллионов, то Морганам они достались за 120 миллионов долларов. Как им удалось это сделать, остается семейной тайной. А фактом является многомиллионный подарок, преподнесенный им правительством, очевидно, в награду за их «патриотизм». Щедрость вашингтонских министров была оплачена рядовым американским налогоплательщиком…

Томас Альва Эдисон был великий изобретатель. Но, на свою беду, он был профаном в области финансовых махинаций. А это в капиталистической Америке большой недостаток, способный свести на нет усилия гения. Во всяком случае, подарив человечеству лампочку накаливания, фонограф и много других полезных вещей, Эдисон, сам того не желая, заложил фундамент под одним из самых прибыльных сегодняшних моргановских бизнесов — компанией «Дженерал электрик».

Этот монополистический гигант возник в 1892 году в результате слияния компаний «Эдисон дженерал электрик» и

«Томпсон — Хаустон электрик». Верные себе, Морганы, прорвавшись в новую область, сразу же повели широкое наступление на всех своих конкурентов, удушая их финансовой петлей. Уже после первой мировой войны «Дженерал электрик» заняла господствующее положение в перспективной области электротехнического производства — радиопромышленности. В 1919 году эта компания создала дочернее общество «Радио корпорейшн оф Америка», которое вскоре почти полностью монополизировало производство и сбыт радиоаппаратуры и установило контроль над радиовещанием.

Еще более обильной для «Дженерал электрик» была жатва второй мировой войны. Если в 1939 году компания располагала 39 крупными предприятиями, то в 1947 году их число возросло до 125. За последующее десятилетие обороты «Дженерал электрик» увеличились ни много ни мало — на 326 %.

Основа сегодняшнего могущества компании — производство ядерного оружия и электронного оборудования. Ее предприятия производят атомные реакторы для подводных лодок, боеголовки с атомными и водородными зарядами к ракетам «Атлас», «Тор» и другим, реактивные двигатели военных самолетов и управляемых снарядов, турбины для военных судов и самолетов, выпускают электронные системы управления для ракет и самолетов, оборудование для запуска управляемых снарядов, радиоаппаратуру военного назначения. Хозяева «Дженерал электрик» отнюдь не стесняются того, что их миллионные прибыли основаны на бизнесе смерти. С простодушным цинизмом в своем отчете они хвастались: «По объему бизнеса для обороны мы занимаем в настоящее время второе место среди всех компаний США».

«Дженерал электрик» использует любую возможность, чтобы прикарманить деньги рядового налогоплательщика. Так, на первом этапе создания атомной и электронной промышленности компания не спешила заявить свои претензии на руководство ею. Ведь предстояли крупные капиталовложения на исследовательские работы, следовательно, доходы обещали последовать не сразу. Поэтому возможность осуществления таких работ монополисты с готовностью предоставили правительству, которое финансировало это из государственной казны. Затем, когда наступил момент получения прибылей, Вашингтону было заявлено, что этот бизнес не дело государственных организаций и рекомендовано передать его в руки частных корпораций. «Рекомендация» монополий для Вашингтона вещь более чем весомая, и все было сделано в соответствии с нею. Вот тут-то на авансцене и появилась «Дженерал электрик», которая, не

поморщившись, прикарманила результаты многолетних и дорогостоящих работ, проведенных на деньги налогоплательщиков — трудового народа США.

«Дженерал электрик» состоит из 100 оперативных отделов, каждый из которых является специализированным предприятием. 6 из них занимаются выпуском ламп, 19 — производством бытовых электроприборов и электронных изделий потребительского назначения, 40 — готовят оборудование для электростанций и промышленных предприятий. Компания имеет специальный отдел, управляющий атомным заводом в Хэнфорде, и отдел, производящий атомное оборудование и двигатели. 8 отделов заняты производством военной продукции. Кроме того, в последнее время создан отдел межпланетного пространства.

Все отдельные подразделения компании «Дженерал электрик» объединены в производственные группы: 1) по аппаратуре, 2) по промышленным изделиям и материалам, 3) по изделиям потребительского назначения и 4) по электронике, атомной энергии и военной продукции.

Знаменитая «Дженерал моторо — крупнейший промышленный концерн США также входит в моргановскую орбиту. Правда, Морганам приходится делить контроль над ним с семейством Дюпонов. Но и та часть дивидендов, которая приходится на долю Морганов, даже если бы они не обладали больше ничем, сделала бы их одной из могущественнейших групп в деловом мире. Автомобили многих марок, самолеты, танки, автомобильные, танковые и авиационные моторы, сложнейшее оборудование, строительная техника, судостроение — вот неполный перечень продукции, изготовляемой на десятках заводов «Дженерал моторе». Об этой корпорации, неизменно находящейся на одном из первых мест по количеству военных заказов, о коварных методах, применяемых ее директорами, связях с правительственным аппаратом, взятках, хитроумнейших махинациях и прочем можно говорить много. Скажем только одно: чистый доход, который она ежегодно приносит своим хозяевам, перевалил за полтора миллиарда долларов — рекорд не только для Америки, но и для всего капиталистического мира.

Среди других крупнейших промышленных корпораций, входящих в «моргановскую империю», назовем самую большую в капиталистическом мире компанию по добыче природной серы — «Техас галф салфер компани» и ведущую фирму по производству синтетического каучука «Б. Ф. гудрич компани».

Когда-то одним из основных рычагов, при помощи которых Морганы имели возможность оказывать влияние на всю американскую экономику, была принадлежавшая им обширная

сеть железных дорог. Сейчас значение железных дорог в «морганoвской империи» значительно упало. Это связано как с уменьшением роли железнодорожного транспорта, поскольку он утратил свое монопольное положение, потеснившись в пользу авиации и автомобильного транспорта, так и с тем, что ряд железных дорог перешли от Морганов в руки их конкурентов. Но и сейчас такие крупнейшие железнодорожные компании, как «Пенсильваниа рейлроуд», «Эчисон, Топека энд Санта Фе рейлуэй компани» и «Нозерн пасифик рейлуэй компани», играют немалую роль в морганoвском бизнесе.

Когда говорят о нефти, о ее хозяевах, то в Америке называют прежде всего имя Рокфеллеров, а затем Меллонов и техасских «нефтяных баронов» — Ханта, Гетти и некоторых других. Однако Морганы не были бы самими собой, если бы они прошли мимо такого «золотого дна», коим является в наши дни нефть. Их позиции в нефтяном бизнесе значительно сильнее, чем принято думать. Прежде всего, они использовали финансовые возможности своих банков, чтобы внедриться в рокфеллеровские заповедники «Стандарт ойл (Нью Джерси)» и «Сокони мобил ойл». И хотя эти компании по-прежнему остаются в сфере контроля Рокфеллеров, Морганы и здесь извлекают немалую толику доходов.

Но этим дело не ограничивается. Создали Морганы и свои собственные нефтяные компании, такие, как «Континентал ойл», «Ситиз сервис», и крупную газовую компанию «Коломбиа гэс систем».

Финансы, тяжелая промышленность, военный бизнес — все это слагаемые морганoвского могущества. Но картина была бы неполной, если бы мы не сказали о том, что хозяева «морганoвской империи» отнюдь не отказываются от доходов, если их сулят не только сталь и нефть, займы и танковые моторы, но и, скажем, прохладительные напитки.

Кому не известно название «кока-кола»? Этот использующий тонизирующие средства ореха кола отличный освежающий напиток заполнил в послевоенные годы многие страны мира. Много лет конкурирующие фирмы пытаются либо выведать тщательно охраняемый секрет его приготовления, либо создать что-либо подобное. Однако пока эти попытки оказываются безуспешными, и принадлежащая Морганам компания «Кока-кола К^0» приносит своим хозяевам прибыли не меньшие, чем их многие крупнейшие предприятия тяжелой промышленности.

Американец моет руки мылом фирмы «Проктер энд Гэмбл» и дарит своей возлюбленной духи и помаду той же фирмы, а Морганы кладут в связи с этим в свой карман ежегодно несколько

десятков миллионов долларов. Домашняя хозяйка, экономя время, готовит обед из концентратов компании «Кампбелл суп», ее детишки лакомятся вафлями и печеньем, предлагаемыми фирмой «Нэшнл бискит» — и здесь Морганы не в накладе. Пищевая промышленность — один из весьма прибыльных бизнесов «морганoвской империи».

Могущество Морганов не ограничивается рамками США. Свои щупальца они протянули далеко за их рубежи. Деньги Морганов вложены в добывающую промышленность Южной Америки, Канады и Африки. В частности, через посредство «Кеннекот коппер корпорейшн», «Фелпс Додж корпорейшн», «Сент Джозеф лид компани» группа Морганов контролирует значительную часть добычи цветных металлов в Чили, Мексике и других странах Латинской Америки, в Канаде, в ряде стран Африки.

В развитых странах Морганы вкладывают свои деньги в обрабатывающую промышленность. Главная сфера их интересов — Западная Европа и Япония. В последнее время морганoвская нефтяная компания «Континентал ойл» начала вкладывать крупные суммы в ряде стран Азии.

В течение многих десятилетий дом Морганов особенно тесно был связан с английскими и французскими финансистами и предпринимателями. Сейчас он делает особый упор на Западную Германию. Так, «Дженерал электрик» приобрела более 12 % акций «АЭГ» — второй по величине западногерманской компании электрического и электронного оборудования — и около трети акций «Осрам» — треста электроламп.

Большим своим успехом директоры «Дженерал электрик» считают строительство первой в Западной Германии атомной электростанции. Это обстоятельство наводит некоторых представителей общественности на невеселые мысли о том, что, быть может, пока буржуазные политики ведут шумный торг об условиях допуска западногерманских милитаристов к ядерному оружию, американские и западногерманские монополисты давно уже договорились между собой. Ведь в сейфах «Дженерал электрик» хранятся все данные, необходимые для производства термоядерного оружия.

До сих пор наиболее сильные позиции в Западной Германии были у Рокфеллеров. Они воспользовались тем, что с 1946 по 1949 год военную администрацию американской зоны в Германии возглавлял генерал и промышленник Клей — одно из наиболее доверенных лиц рокфеллеровской династии. Его сменил один из руководителей главного рокфеллеровского банка «Чейз Манхэттен бэнк» — Макклой. Сей банкир, который по линии жены был связан родственными узами с Аденауэром, вытащил эту

зловещую фигуру из политического небытия и посадил в кресло западногерманского канцлера. Рокфеллеровский клан не замедлил воспользоваться ситуацией, внедрившись во многие отрасли западногерманской промышленности.

Однако сейчас Морганы явно догоняют своих конкурентов. И «атомная карта» — патенты атомного производства, которыми располагает «Дженерал электрик», — возможно, играет здесь не последнюю роль.

То обстоятельство, что Морганы находятся на одном из первых среди американских монополий мест по размерам капиталов, вложенных за рубежами США, в немалой степени предопределяет могущество этой группы. Ревностно оберегая свои позиции, делая все, чтобы не подпускать конкурентов к наивыгоднейшему бизнесу иностранных инвестиций, который по доходности соперничает с военным производством, династия Морганов сохраняет в своих руках решающие рычаги экономической власти.

В последние годы американская печать очень много пишет о «закате» Морганов, о том, что могущество и влияние этой семейной группы коренным образом подорвано и сходит на нет. На самом же деле такие утверждения ни в какой степени не соответствуют действительности.

Спору нет, ныне влияние Морганов относительно уменьшилось. Если несколько десятилетий назад они являлись наиболее могущественной группировкой американского капитала, царствовавшей практически безраздельно и превосходившей не только всех своих конкурентов, но и любую возможную их комбинацию, то сейчас такого положения не существует. Возникли новые гигантские объединения, а влияние и могущество некоторых из них настолько возросло, что они вплотную приблизились к Морганам.

Среди причин, приведших к такому положению, помимо всего прочего, сказалось то обстоятельство, что долгие годы основой могущества Морганов в промышленности было их монопольное положение в угольной и сталелитейной промышленности и железнодорожном транспорте. Между тем, как известно, роль этих отраслей в современной экономике относительно уменьшилась. В то же время Морганы не располагали соответствующими позициями в таких ведущих в последние годы отраслях, как химия, алюминий, нефть. Именно за счет этого и происходил стремительный рост могущества их основных конкурентов.

Однако в самое последнее время наметились тенденции, которые в ближайшие годы могут привести к новому изменению в

расстановке сил среди монополистических групп США. В частности, моргановская группировка захватила важнейшие позиции в атомной промышленности, финансирует работы в области «энергетики будущего». Заполучили они важные позиции и в химической, электронной и нефтяной промышленности. Одним словом, разговоры о «закате» Морганов, о том, что они перестали играть ведущую роль в экономической и политической жизни, не имеют с действительностью ничего общего. В самом деле, о каком «закате» можно говорить, когда речь идет о самой богатой в мире семейной группе, объединении, равного которому по размерам капиталов, международным финансовым связям, общему экономическому могуществу капиталистический мир не знает!

Морганы уходят в подполье

Откуда тогда взялась эта версия о том, что Морганы сходят на нет, кто ее авторы?

Пусть не удивляется читатель, но истинными авторами этой странной, не соответствующей действительности легенды являются прежде всего… сами Морганы и их наемные писаки.

Зачем же понадобилась столь странная операция сегодняшним заправилам моргановского семейства? Казалось бы, наоборот, — чем больше богатств, чем больше банков, заводов, страховых компаний, тем выше деловой престиж, тем больше возможностей. Секрет открывается просто: прошли времена, когда старый Морган, как вызов всем, демонстративно, с шумом и всесветным треском бросал на ветер миллионы. Его наследники не любят яркого света.

Вот и прячут Морганы свои богатства от глаз людских, тщательно скрывают нити, которые связывают воедино их компании; дескать, мы не такие, как прежде, мы незаметные, и вообще, мы не мы, и капиталы не наши, а акционеров.

Немаловажную, а скорее главную роль в стремлении Морганов упрятать подальше от посторонних глаз свои богатства играет их желание укрыть от налогообложения возможно большую часть своих доходов. Существующая в США налоговая система внешне очень сурова и жестока по отношению к обладателям крупных состояний. На словах она исходит из принципа: «Чем больше богатство — тем больше налогов». Но сей принцип действует лишь на бумаге. В действительности же обладатели крупнейших состояний находят тысячи лазеек для того, чтобы обходить формально существующие правила налогообложения, перекладывая всю тяжесть налогов на плечи трудового народа.

Вряд ли можно придумать что-либо более сложное, чем система налогообложения, существующая в США. Различные законы и постановления, правила и комментарии к правилам, параграфы и подпараграфы составляют десятки и десятки томов, в которых, как говорится, черт ногу сломит. Во всем этом организованном хаосе могут разбираться лишь очень опытные юристы, имеющие специальную подготовку и большой опыт в распутывании казуистических положений, или, точнее, в запутывании в сетях этих положений чиновников налогового ведомства. Воспользоваться услугами этих многоопытных крючков могут лишь люди очень состоятельные — свои услуги

крючки ценят дорого. Крупные корпорации содержат на жалованье целый штат юристов — специалистов в области налогового законодательства. Эта публика и разработала множество обходных путей, пользуясь которыми миллионеры избегают уплаты причитающихся с них налогов.

Рокфеллеры, к примеру, держат значительную часть своих богатств в так называемых благотворительных фондах, которые по американским законам не подлежат налогообложению. Такой же трюк применил и старый Форд, чтобы без выплаты налога на наследство передать свои капиталы сыну и трем внукам. Моргановские юристы используют другой прием. Они формально дробят компании на множество дочерних предприятий, нагромождая весьма сложную систему подчинения и переплетающихся интересов, маскируя связи компании с моргановскими банками, запутывая, таким образом, налоговое ведомство.

Если Рокфеллеры для маскировки своей истинной роли придают огромное значение рекламной шумихе, считая необходимым всячески превозносить филантропическую деятельность своих всевозможных фондов, создавать у американской общественности — притом, надо признать, небезуспешно — впечатление, что именно филантропия и благотворительность являются ныне главной сферой их забот и интересов, то Морганы прибегают к другой форме камуфляжа: они пытаются спрятать свое могущество от глаз общественности — «уходят в подполье». Всерьез говорить о том, что Морганы перестали играть одну из решающих ролей в экономической и политической жизни США, — значит поддаваться на эту моргановскую удочку.

Попытка спрятать свои богатства весьма характерна для многих миллиардеров середины XX века. Так безопаснее. Неровен час, можно лишиться всех богатств, как лишились их Рябушинские в России и Батя в Чехословакии, Вышневецкие в Польше и братья Чэнь в Китае, как лишились их все пауки-кровососы в странах, где народ взял судьбу в собственные руки.

Морганы в этом отношении не одиноки. Они, как и другие тузы современного империализма, боятся не только дневного света, но и своих соотечественников. Характеризуя этот процесс, один из виднейших современных буржуазных экономистов, американец Дж. Голбрейт, откровенно пишет: «Американские богачи издавна обладали удивительным чувством страха перед экспроприацией. Этот страх объясняет, почему они рассматривали даже самые слабые реформы как предвестников революции. Депрессия и особенно «новый курс» еще больше

напугали богачей. Одним из последствий было временное самоограничение личных расходов. Расходы на чисто показные мероприятия, в особенности на дома, яхты и женщин, стали считаться опасными, побуждающими массы к насилию… С уменьшением этой показухи в ее наиболее вульгарных формах богатство и, стало быть, неравенство уже не рекламировались столь скандально, как прежде. Поэтому и богатство и неравенство стали менее заметными и менее вызывающими негодование. В свое время богачи сами помогли сделать неравенство острой проблемой. Теперь они отказались от этого».

Говоря о «самоограничениях» миллиардеров, Дж. Голбрейт, мягко говоря, заблуждается. И дома, и женщины, и яхты — все это не в меньших, а в значительно больших масштабах существует и ныне. Но сейчас это тщательно прячется от посторонних глаз, не выставляется напоказ. Применительно к Морганам следует сказать, что их особенно старательно проводимый «уход в подполье» не должен никого обманывать.

Сам факт попыток Морганов «уйти в подполье» весьма симптоматичен. Он свидетельствует о том, что наиболее ловкие представители монополистического капитала считают нужным использовать новые методы, маневрировать, считаться с настроениями общественности.

Объяснимые парадоксы

Итак, один из главных «секретов», которому обязаны своим возникновением моргановские миллиарды, — тесная связь с военным бизнесом. Так было в прошлом веке, так обстоят дела и сейчас. И тем не менее здесь ныне не все столь уж просто, как это может показаться на первый взгляд.

…Разговор продолжался уже больше двух часов. Мои собеседники, удобно расположившиеся в низких креслах в большой комнате, обставленной дорогой старинной мебелью, резко контрастировавшей заполнившему всю Америку крикливому модерну, явно не торопились завершить беседу, хотя был разгар делового дня. И уже одно это было необычным. Ведь передо мной находились два крупных предпринимателя: один — промышленник из Кливленда, другой — влиятельный уолл-стритовский финансист, заметная фигура в моргановских банках. А известно, что американские бизнесмены меньше всего расположены к неторопливым беседам.

Не потому, конечно, что все они эдакие счетно-решающие машины в облике людей, без человеческих слабостей, какими их иногда рисует подхалимствующая пресса, а Потому, что они рабы лихорадочного темпа. Того темпа, который ощущаешь прямо-таки физически, когда, стоя на галерее в главном зале фондовой биржи (расположенной, кстати сказать, рядом с моргановской штаб-квартирой на Уолл-стрите), глядишь на большой экран, где непрерывно бегут, стремительно вытесняя одна другую, черные строчки биржевых котировок. Сменяются названия компаний и фирм, цифры стоимости их акций, нервно и неритмично бьется пульс американской экономики. И если стоимость акций одной компании на мерцающем биржевом экране вдруг полезла вверх, принося барыш обладателям ее акций, то чаще всего это происходит за счет другой компании, акции которой тут же падают вниз, утекая из кармана тех, кому они принадлежат, а для мелких держателей оборачиваясь разорением, потерей незначительных средств, которые накоплены за всю жизнь, нищетой. Нет, не располагает обстановка, в которой живет бизнесмен, к неторопливым беседам.

И когда я, пройдя через вестибюль (нечто среднее между королевскими хоромами и картинкой рекламного проспекта) отеля «Регис» (само по себе местоположение отеля в одном из наиболее шикарных районов Нью-Йорка, на углу Пятой авеню и Пятьдесят пятой стрит, — свидетельство наивысшей деловой

респектабельности его обитателей), поднялся в номер, где меня ждали, я не предполагал, что беседа будет столь продолжительной.

Деловых людей интересовало многое, но особенно — перспективы расширения советско-американской торговли. «Дальнейшее наращивание гонки вооружений, — заметил один из финансистов, — вещь, на мой взгляд, бесперспективная, надо искать для нашей экономики новые стимулы, и торговля с Востоком вполне может быть таким стимулом». К этой мысли он возвращался несколько раз. Признаюсь, в тот момент я не придал этому должного значения, посчитав, что это фразы, что называется, для установления лучшего контакта с собеседником.

Но вскоре после этой встречи в мои руки попал бюллетень, который издает для своих клиентов главный банк «моргановской империи» — «Морган гаранти траст». Он так и называется «Обозрение «Морган гаранта»». Вот что было написано в номере за август 1963 года этого бюллетеня: «В настоящее время кажется более разумным, чем когда-либо раньше, во времена «холодной войны», начать искать поворот с дороги все растущих и растущих военных расходов».

Это уже не отдельное высказывание в частной беседе. Заявление адресовано акционерам банка и в какой-то степени отражает позицию его хозяев. Но и этим дело не ограничилось. В последнее время американские наблюдатели обратили внимание на то, что некоторые представители моргановских компаний иногда выступают против линии Пентагона, критикуют крайности гонки вооружений, высказываются за некоторое сокращение военных ассигнований, настаивают на бездефицитном бюджетном планировании и сбалансированном бюджете.

Парадокс? Или, быть может, Морганы решили изменить своим вековым традициям? Но почему же? Ведь кто-кто, а эта могущественная группа монополистов США располагает возможностью получить и получает немалую часть правительственных военных заказов и, следовательно, имеет свою долю, и притом весомую, военных прибылей.

Некоторые американские экономисты, социологи и публицисты либерального толка пытаются объяснить такое, по их мнению, почти парадоксальное явление «наибольшим политическим опытом» и, опять-таки «прозорливостью» этой старейшей монополистической династии, тем фактом, что Морганы, дескать, понимают всю опасность (экономическую и политическую) политики безудержной гонки вооружений, чем, дескать, и объясняется такая их позиция.

Но подобное «объяснение» уж слишком наивно, чтобы его

можно было принять всерьез. Прежде всего, ни в коем случае не следует преувеличивать «оппозицию» Морганов официальному курсу Вашингтона, на который они оказывают немалое влияние, — они имеют надежные рычаги для того, чтобы его корректировать. Но нельзя отрицать и того, что особые оттенки в их позиции действительно имеют место.

Чтобы исчерпывающе разгадать эту загадку, гарантировать ее решение с максимальной точностью, пришлось бы побывать на семейных советах Морганов и их управляющих, заглянуть в документы, которые хранятся за семью печатями. Но, поскольку такой возможности автору этого очерка пока не представилось, приходится заняться выдвижением гипотез. Одной из таких гипотез может служить следующее предположение: интересы морганoвской группы в достаточной степени разнообразны — финансы, различные отрасли промышленности (как военной, так и гражданской), страховые компании, научно-исследовательские центры и так далее. Однако ***основным*** для Морганов по-прежнему остается ***финансовая*** сфера деятельности. Несмотря на огромную промышленную империю, им принадлежащую, Морганы и сегодня прежде всего банкиры.

А интересы Морганов-банкиров иногда приходят в противоречие с интересами Морганов — военных промышленников. Если, с одной стороны, усиление гонки вооружений им выгодно безусловно, то, с другой стороны, их тревожит и непомерный рост милитаризации экономики. Ведь чрезмерные военные ассигнования, создавая систематическое перенапряжение бюджета, стимулируют инфляцию, обесценение доллара, которое в годы «холодной войны» приняло невиданные прежде темпы и размеры. А обесценение доллара невыгодно тем, кто хранит в своих подвалах огромные денежные суммы. Да и вообще все, что подрывает финансовую стабильность, не может не вызывать тревогу банкиров. Морганы же, как мы сказали, все-таки прежде всего банкиры, а уж потом промышленники, в том числе и военные. Потому-то они и пытаются, не выступая против гонки вооружений в целом, ибо она приносит им немалые барыши, ввести ее в какие-то рамки, регулировать дело таким образом, чтобы не нарушались их финансовые интересы.

Вполне возможно, что одна из причин того, что кое-кто объявил «необъяснимым парадоксом», лежит именно в этом. Но то причина, так сказать, специфически морганoвская. Однако в последние годы дают о себе знать и некоторые общие обстоятельства, заставляющие наиболее опытных деятелей американского бизнеса проявлять в отношении дальнейшего раздувания военного производства некоторую осмотрительность,

еще совсем недавно совершенно несвойственную им. И поскольку это может иметь отношение как к объяснению «моргановского парадокса», так и представляет более широкий интерес, об этом следует сказать здесь несколько слов.

Как это ни может показаться на первый взгляд странным и неожиданным, но вот уже в течение некоторого времени не только дельцы из моргановского клана, но и некоторые их коллеги нет-нет да и выскажутся о том, что гонка вооружений и неуклонное увеличение государственных средств на ее финансирование, служившие основным средством активизации американской экономики на протяжении последних полутора десятков лет, уже теряют свою эффективность.

Что произошло? Уж не вознамерились ли пушечные короли, наслушавшись воскресных проповедей, перековать мечи на орала? Нет, конечно. Во-первых, сии короли обычно не принадлежат к числу наиболее исправных слушателей проповедей, во-вторых, в этих проповедях, как правило, не осуждаются действия, направленные на уничтожение рода человеческого, и, наконец, в-третьих, и это самое главное, пушечных королей проповедью не прошибешь. Дело в другом. Руководители американского делового мира столкнулись как с серьезными трудностями, явившимися результатом ярко выраженной и возрастающей кривобокости американской экономики — непомерно раздутые военные отрасли и отстающие остальные, а кривобокость ничто не красит и не укрепляет, — так и с совершенно необычной экономической ситуацией, связанной с новым характером военной продукции.

Что касается первого обстоятельства, то все возрастающая концентрация материальных и людских ресурсов в узко специализированных областях ракетно-ядерного производства, омертвление колоссальных ценностей на складах вооружений — все это привело в последнее десятилетие к резко отрицательным последствиям для экономики США. Промышленные товары США в результате известного отставания гражданских отраслей промышленности становятся неконкурентоспособными не только на мировых рынках, но и внутри страны. Их стали теснить западноевропейские и японские изделия. Это бросается в глаза, когда идешь по Пятой авеню или какой-либо из нью-йоркских улиц, где расположены крупные универсальные и другие магазины. Мелькают витрины, товары с табличками цен, и видишь, что торговцы, стремясь привлечь покупателя, на самые видные места обычно выкладывают итальянскую обувь и трикотаж, английскую шерсть, западно-германские автомобили, японские радиоприемники и оптику. Все эти товары и добротнее,

и дешевле американских. И стоит постоять полчаса в торговом зале магазина, как убеждаешься, что, делая покупку, американец руководствуется отнюдь не «патриотическими», а хозяйственными соображениями, в ущерб американской продукции.

Нечего и говорить о том, как отрицательно сказалась гонка вооружений в таких областях жизни США, как народное образование и здравоохранение. Гонка вооружений тяжело отразилась и на состоянии государственных финансов США. Это выразилось в хронических бюджетных дефицитах и, как результат, в огромном росте государственного долга. В связи с уменьшением доли США в мировой экспортной торговле, а также в связи с высокими военными расходами за границей острый и хронический характер приобрел дефицит американского платежного баланса, вызвавший в свою очередь резкое сокращение золотых запасов страны.

Вот уж, действительно, «торговали — веселились, подсчитали — прослезились». На смену временному оживлению, который давал допинг в виде гонки вооружений, идут свойственные каждому возбудительному средству резко отрицательные последствия, причем не временного, а постоянного характера.

Но особенно важное и пока еще до конца не осмысленное обстоятельство, в котором начинает отдавать себе отчет лишь наиболее искушенный, опытный делец-экономист и которого пока не в состоянии понять значительное число бизнесменов и политиков, связано с новым характером военного производства и его последствиями. Дело заключается в том, что если раньше в течение многих десятилетий и даже столетий основную роль в военном производстве играл фактор количественный — произвести как можно больше винтовок, патронов, пулеметов, танков, пушек, самолетов и так далее, — то ныне происходящая научно-техническая революция кардинальным образом изменила и изменяет как вооружение современных армий, так и, следовательно, весь характер военной промышленности.

Военное производство настоящего и в еще большей степени ближайшего будущего имеет тенденцию терять характер массового производства. В самом деле, по подсчету крупнейшего американского ученого Л. Поллинга, разрушительная сила всех бомб и снарядов, примененных в ходе второй мировой войны всеми воюющими сторонами, вместе взятыми, составляла примерно 6 мегатонн. Сила одной современной термоядерной бомбы средней величины —10–15 мегатонн. Следовательно, создание миллионов снарядов и бомб заменяется значительно менее массовым, можно сказать почти штучным, выпуском атомного и термоядерного оружия. На смену десяткам и сотням

миллионов единиц различных средств ведения войны приходит неизмеримо меньшее количество более сложных современных средств — ракет, электронных систем и так далее.

Речь идет о том, что в руках нынешних вашингтонских руководителей и тех промышленных воротил, которые стоят за их спиной, военные расходы — уже не такой действенный препарат взбадривания производства, каким они были еще несколько лет назад. Быстро изменяющаяся технология военного производства, намечающаяся тенденция — переход от массового производства самолетов, танков, артиллерии к специализированному малосерийному производству ракет и атомных боеголовок — все это означает, что каждый доллар прироста военного бюджета приводит в движение меньше производственных мощностей и меньше рабочей силы, оказывает меньшее воздействие на экономику, чем прежде.

Следовательно, встает перспектива того, что массовое военное производство, типичное для многих десятилетий, производство, в котором были заняты тысячи предприятий и миллионы людей, неизбежно должно отойти в прошлое. На смену этому приходит ограниченное число специализированных предприятий, обладающих более или менее ограниченным числом специалистов высокой квалификации, на смену массовому производству — создание сравнительно небольших серий, сложных и дорогостоящих систем современного оружия. Физическая масса оружия сокращается за счет многократного увеличения его силы и мощи.

Последствия этого процесса для массового промышленного производства очевидны. Если в 40-х и 50-х годах значительная часть мощностей американской промышленности, миллионы рабочих рук были заняты в военной промышленности, то в качестве перспективы предстоящих лет вырисовывается значительное сокращение как заводских мощностей, так и рабочих рук, занятых в военной кузнице, что отнюдь не означает само по себе разоружения и уменьшения опасности войны.

Однако военная промышленность США в начале 60-х годов, в свете вышеизложенных обстоятельств, оказалась подобной насыщенному соляному раствору, который не в состоянии более поглощать то, что в него вкладывается.

Новая ситуация требует новых решений, новой тактики. Но то, что не видят еще большинство бизнесменов средней руки, то, что не в состоянии пока осознать и многие крупные воротилы, моргановская группировка почуяла раньше других. Почему? Да потому, что огромные деньги и долгие годы дали возможность дому Моргана сколотить высококвалифицированную команду

управляющих, найти или переманить от конкурентов самых ловких и оборотистых, вышколить их, заставить работать на приумножение моргановских миллиардов. Подробнее об этом речь впереди, а здесь надо только подчеркнуть, что, располагая штатом самых квалифицированных служащих — управляющих, экономистов, инженеров, финансистов, наследники старого Моргана уже не раз обходили конкурентов, раньше других улавливая, куда дует ветер.

Итак, парадокс объясним. Нет, Морганы не отказались и, судя по всему, не собираются отказываться от военных прибылей. Но и они вынуждены приноравливаться, применяться к обстановке.

Морганы и Вашингтон

Есть у банкирского дома Морганов и еще одно секретное оружие, которое на протяжении многих десятилетий дает им большие преимущества перед конкурентами, приносит огромные дополнительные доходы. Если в кругах широкой общественности бытуют иллюзии о том, что Морганы, дескать, чуть ли не растворились в американском обществе, то в Вашингтоне таких иллюзий не питают. Не один, не два и даже не десять крупных тузов вашингтонской административной иерархии действуют в соответствии с указаниями, которые дает «Угол» — штаб-квартира морганoвской империи на Уолл-стрите.

Попадая в величественный кабинет такого деятеля в одном из вашингтонских департаментов, слушая напыщенное выступление сенатора с трибуны конгресса, присутствуя на пресс-конференции политика, заявления которого на следующий день публикуются буржуазной печатью всего мира, трудно представить себе, что это всего лишь «политические пузыри». Практически их собственный вес равен нулю, а влияние и власть целиком и полностью зависят от тех, кто эти пузыри надувает, раздувает и запускает, — от хозяев банкирского дома Морганов.

Пожалуй, раньше других морганoвские заправилы по достоинству оценили все преимущества, которые дает пребывание «своего человека» на ключевых постах государственного аппарата. Уже давно используют они свое могущество и неисчерпаемые финансовые возможности для того, чтобы наряду с контрольными пакетами акций, патентами и компаниями приобретать собственных сенаторов и министров.

Бывают среди морганoвских ставленников в Вашингтоне и рыбы крупнее. Теперь уже ни для кого не секрет, что если бы не решение, принятое на семейном совете Морганов в начале нынешнего века, — нипочем не быть бы университетскому краснобаю, заурядному профессору Вудро Вильсону президентом Соединенных Штатов. Но в тот период политический небосклон над Европой начал затягиваться тучами, и банкирский дом Морганов, вложивший к тому времени в Европу многие миллионы долларов, счел целесообразным посадить в президентское кресло человека, которому он мог доверить защиту своих капиталовложений. Как известно, Вильсон оправдал доверие своих патронов. Не поколебавшись, он бросил сотни тысяч молодых американцев в мясорубку мировой бойни для спасения морганoвских денег.

Шли годы. И по мере того как тенденции государственно-монополистического капитализма приобретали все большее значение в жизни и деятельности буржуазных государств, в том числе и США, Морганы серьезное внимание уделяли насаждению своих людей в вашингтонских министерствах и ведомствах. Правда, и здесь они остаются верны себе: если один из братьев Рокфеллеров открыто домогается поста президента Соединенных Штатов, а главный юрисконсульт семейства Рокфеллеров Джон Фостер Даллес выдвигается ими на пост руководителя американской внешней политики, то Морганы предпочитают действовать скрытно, незаметно, чаще всего пряча от посторонних глаз нити, при помощи которых они передвигают фигуры и пешки на политической шахматной доске.

Взять то же правительство Эйзенхауэра. Все знали, что Даллес руководит внешней политикой США, будучи «человеком Рокфеллеров». Но мало кому было известно, что самый могущественный человек в окружении Эйзенхауэра, которого американская печать окрестила «серым кардиналом» Белого дома, Шерман Адамс, являлся ставленником Морганов. О том, какую роль играл этот человек, можно судить по словам журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд рипорт», хорошо знающего тайны вашингтонской политической кухни: «Адамс является вторым после президента лицом, который несет наибольшую личную ответственность за политику Белого дома. Он является организатором повседневной деятельности исполнительной власти».

Обычно Адамс оставался за кулисами. Но в 1955 году, когда с Эйзенхауэром случился тяжелый сердечный приступ и президент на протяжении длительного времени не мог выполнять свои обязанности, Адамс вышел на авансцену. Он оттеснил от руководства бывшего тогда вице-президентом Ричарда Никсона, взяв бразды правления в свои руки. Фактически этот «морган овский человек», не занимавший никаких выборных постов, на протяжении долгих месяцев болезни президента являлся руководителем исполнительной власти в стране.

Не пренебрегают Морганы и непосредственным захватом важнейших постов в государственном аппарате, правда, в отличие от Рокфеллеров, не претендуя на них самолично, а направляя туда своих людей. Одним из наиболее влиятельных членов правительства Рузвельта был сын партнера Моргана II Эдвард Стеттиниус. В состав правительства Трумэна входил президент морган овской «Дженерал электрик» Чарльз Вильсон. В правительстве Эйзенхауэра, как уже говорилось, пост министра обороны последовательно занимали бизнесмены из морган овских

корпораций — Вильсон, Маккелрой, Гейтс.

Когда к власти пришло правительство демократической партии во главе с Кеннеди, некоторые органы американской печати заговорили о том, что Рокфеллеры потеснили Морганов в государственном аппарате. Однако это не соответствовало истинному положению вещей. Министр обороны Макнамара пришел в Пентагон из концерна Фордов, который тесно связан с Морганами. Министром финансов стал крупный уолл-стритовский банкир Дуглас Диллон. Его банк также входит в орбиту морган овского влияния.

Эти факты общеизвестны. Значительно меньше знала широкая публика о том, что президент Кеннеди к интересам Морганов был привязан родственными узами: отец его жены, Жаклин Кеннеди, — Жан Бувье в течение многих лет является весьма заметной фигурой в морган овских банках.

Кеннеди в Белом доме сменил Джонсон. Однако Макнамара и Диллон продолжают занимать в его правительстве ключевые посты. И нет сомнений в том, что, когда они по тем или иным причинам покинут Вашингтон, Морганы все равно сохранят свои позиции. Такова одна из вашингтонских традиций: министры приходят и уходят, а позиции Морганов остаются незыблемыми. Вряд ли здесь следует особенно распространяться о том, как используют Морганы свое влияние в Вашингтоне. Их компании всегда среди первых по числу военных заказов, а решения, принимаемые правительством в области промышленности и финансов, всегда в максимальной степени соответствуют морган овским интересам.

Но разве дело ограничивается только этим? Нисколько не боясь впасть в преувеличение, можно сказать, что на всем, что предпринимает Вашингтон, в той или иной степени, так или иначе, но всегда лежит печать интересов банкирского дома Морганов.

Кто они, Морганы, сегодня!

Существуют ли Морганы сегодня? Не моргановские капиталы, а люди с этой фамилией? И если существуют, то какую роль играют они в «моргановской империи», сохранили ли власть и богатство, или, подарив свое имя крупнейшему финансово-промышленному объединению современного капиталистического мира, сами отошли в небытие?

Это не праздный вопрос. Джона Пирпонта Моргана-старшего знали миллионы людей. Знали его необузданный нрав, его привычки, его жестокость и надменность, словом, знали конкретного человека по имени Джон Морган и по кличке «Корсар».

Ну а кто такие сегодняшние Морганы, или же это просто имя-символ? Бывают такие имена, которые не воспринимаются как имена каких-то конкретных людей, со своими физиономиями, привычками, вкусами. Имя Морганов, безусловно, относится к такой категории. Мало кто даже в самой Америке знает сейчас членов семейства Морганов, отчетливо представляет себе роль, какую они играют в экономической и политической жизни страны.

Причин такого, на первый взгляд парадоксального, явления несколько. Тут и предумышленное стремление спрятать подальше от посторонних глаз свои богатства и свою деятельность, тут и просто-напросто безликость нынешних членов этого семейства.

Когда старый Морган в 1913 году отправился в мир иной, он передал все свое дело сыну — Джону Пирпонту Моргану И. Этот человек был воплощенной посредственностью. Если Морган-старший и не обладал приписываемыми ему качествами гениального дельца, зато он в полном комплекте обладал качествами, которые принесли ему пиратскую кличку «Корсар». Во всяком случае этих качеств хватало для того, чтобы его имя не сходило со страниц американских газет.

Главным индивидуальным качеством его наследника было отсутствие всяческой индивидуальности. И поэтому, когда 30 лет спустя, в 1943 году он последовал за своим отцом, составители его некрологов были поставлены в крайне затруднительное положение: они были не в состоянии сказать о покойнике ровным счетом ничего, кроме астрономических цифр его состояния. Но и тут им пришлось признать, что рост этого состояния ни в какой степени не связан с деловыми качествами Джона Пирпонта Моргана-младшего. Просто миллионы делали новые миллионы, а

«младший» при сем присутствовал. В годы, когда династию возглавлял Морган II, ее фактическим руководителем являлся крупнейший банкир Томас У. Ламонт, которого старый Морган приставил к своему наследнику, зная его бездарность.

Сейчас дела в моргановском семействе вершат представители третьего и четвертого поколений. Изредка, даже не в разделе «бизнес», а чаще всего в разделе «светской хроники» американских журналов, можно увидеть фотографию пожилого долговязого господина с большими залысинами и, как щель копилки, злым ртом. Это внук Моргана-старшего 65-летний Генри Старгис Морган — старший член этого семейства в настоящее время. Он восседает во главе стола в своем загородном поместье, где время от времени собирается семейство для обсуждения дел.

В 1960 году умер его старший брат, Джуниус Спенсер Морган, формально числившийся главой третьего поколения Морганов, но предпочитавший жуирование скучным бухгалтерским книгам и потому еще при жизни передоверивший трон главы династии младшему брату. Своего 47-летнего сына Джуниус Морган назвал Джоном Пирпонтом. Таким образом династическая нумерация пополнилась Джоном Пирпонтом Морганом III.

К этому же, четвертому, поколению Морганов относятся 62-летний Уильям Артур Морган и 57-летний Аллен Морган. Имеет голос на семейных советах и кузен Джуниуса и Генри Морганов — 78-летний Томас Альфред Морган.

Кто же из них является хозяином моргановского бизнеса?

Пожалуй, все… и никто.

Все, потому что, вопреки побасенкам, распространяемым пишущими пронырами, о том, что единственное моргановское, что осталось в «империи Морганов», — это фамилия членов этого семейства, а все их капиталы давно уже перешли в руки тысяч акционеров и, таким образом, империя, дескать, превратилась в «демократическую республику», сегодняшние Морганы в не меньшей степени, чем их отец и дед, держат в своих руках огромные капиталы своей «империи».

Никто, потому что ни один из сегодняшних Морганов не располагает той властью и бесконтрольностью, с которой ворочал своими делами «Корсар». Сложное переплетение финансовых связей, свойственное современным монополиям, а также безликость и деловая посредственность нынешних отпрысков этого семейства привели к тому, что ни один из этих людей не претендует на роль полновластного хозяина и не в состоянии взять ее на себя.

На самом деле наследники и прямые потомки старого

Моргана и сегодня играют в мире американского бизнеса заметную роль. Во всяком случае, они занимают видные посты в иерархии большого бизнеса. Но являются ли они хозяевами того дела, которое носит их родовое имя? На сей счет мнения расходятся. В американской литературе нередко можно встретить утверждение, что, дескать, Морганы ныне не те, мол, фамилия осталась, а влияние сходит на нет.

И действительно, завсегдатаи Уолл-стрита, бирже вые маклеры и другая сошка средней руки значительно лучше знают в качестве руководящих деятелей морган овских корпораций и банков таких людей, как Г. Александер, А. Слоун, и некоторых других, нежели, скажем, Джона Пирпонта Моргана III.

В Америке весьма модна теория так называемой «революции управляющих». Хозяева, по словам проповедников этой теории, вовсе не хозяева, а лишь очень богатые рантье, а вся реальная власть в корпорациях и банках перешла в руки значительной прослойки так называемых «менеджеров» — управляющих, которые служат не столько своим хозяевам, сколько массам акционеров. С помощью такого рода рассуждений пытаются доказать пресловутую «демократизацию» капитала, спрятать от посторонних глаз всевластие небольшой кучки некоронованных королей.

О том, как обстоит дело в действительности, можно судить по нескольким случаям, о которых здесь следует рассказать. Это тем более стоит сделать, что обычно все происходящее в тиши директорских кабинетов корпораций, в фешенебельных клубах, где, вкушая от «радостей земных», проводят многие часы владыки денежных империй, между партиями покера и баккара, за стаканом виски со льдом и содовой заключающие миллионные сделки, остается скрытым от глаз непосвященных. И лишь редко тайные бури отзываются рябью на поверхности и общество может догадываться о быте и нравах пауков в банке. Случаи, о которых идет речь, из числа тех редких схваток, шум которых не удается скрыть толстыми коврами и тяжелыми портьерами.

…Еще пять-шесть лет назад, когда на Уолл-стрите появлялась массивная фигура Говарда Шеперда, вслед ему раздавался почтительный шепот, дородные швейцары, смахивающие на министров, опрометью кидались распахивать перед надменным воротилой двери всемирно известных банков. И это неудивительно — в течение многих лет этот бизнесмен возглавлял совет директоров одного из могущественнейших банков Америки — «Ферст нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк», занимал директорские посты ни много ни мало в тридцати других крупных компаниях. Говард Шеперд ворочал десятками и

сотнями миллионов долларов, ему внимали предприниматели, перед ним трепетали министры.

Но вот внезапно Шеперд исчез с Уолл-стрита. Из могущественнейшего воротилы он разом превратился в заштатного дельца, потеряв свое могущество и влияние. Что же произошло? Нет, Шеперд не обанкротился, не потерял своего состояния на рискованных спекуляциях. Он просто-напросто не угодил хозяину и был бесцеремонно выставлен им за дверь. Хотя Шеперд и занимал пост председателя совета директоров одного из крупнейших уоллстритовских банков, подлинным хозяином этого банка является Джеймс С. Рокфеллер — кузен пяти братьев Рокфеллеров, возглавляющих знаменитую нефтяную империю. И в тот самый момент, когда капризный и могущественный миллиардер решил, что не нуждается больше в услугах своего управляющего, он просто-напросто выгнал его вон, заменив другим…

Компания «Дженерал дайнэмикс» занимает сейчас одно из первых мест в США по размерам своих ежегодных прибылей. Именно этой компании принадлежит рекорд по числу захваченных ею наивыгоднейших правительственных военных контрактов.

Организатором и руководителем этой компании был уолл-стритовский делец Джон Джей Гопкинс — человек не очень богатый, но ловкий и оборотистый. Дела компании шли хорошо, и Гопкинс почувствовал себя ее полным хозяином, решив, что может распоряжаться по своему усмотрению. Потеряв чувство меры, он в какой-то момент, очевидно, перешел ту невидимую, но непреодолимую границу, которая отделяет хозяев от пускай и доверенных, и очень высоко оплачиваемых, но слуг. Возмездие не заставило себя ждать. В один отнюдь не прекрасный для Гопкинса день подлинные хозяева напомнили о себе, без объяснения причин уволив Гопкинса и заменив его бывшим военным министром Фрэнком Пэйсом. Владельцы контрольного пакета акций решили для увеличения числа военных заказов использовать вашингтонские связи Пэйса.

Однако и экс-министру повезло не больше. Когда в начале 60-х годов контрольный пакет акций «Дженерал дайнэмикс» перешел в руки чикагского миллиардера Крауна — одного из крупнейших воротил современной Америки, тот начал с того, что указал Пэйсу на дверь, посадив в кресло президента компании другого, угодного ему управителя, своего человека.

А ведь и в первом и во втором случае речь шла не просто о рядовых дельцах, а о руководителях гигантских корпораций, находящихся, казалось бы, на вершине власти и могущества!

Конечно же, и власть, и могущество у этих людей есть, и немалые. Но располагают они ими, как правило, лишь до тех пор, пока угодны своим хозяевам, тем, кто держит в своих руках контрольные пакеты акций, — кучке крупнейших промышленно-финансовых тузов. Не случайно американский журнал «Форчун» — орган крупных предпринимателей — привел как-то слова вице-президента известной автомобильной компании, сетовавшего: «Никто из нас не чувствует себя спокойным за свое место даже тогда, когда мы наверху. Менеджер не может никуда уйти от того факта, что достаточно малейшего промаха с его стороны, чтобы не только нанести ущерб фирме, но и самому потерять работу».

Но обойтись без менеджеров сегодняшние Морганы не могут. Слишком сложен нынешний бизнес. Он требует обширных профессиональных знаний в области техники, финансов, экономики. Но зачем Морганам, обладателям десятков миллиардов, чрезмерно себя утруждать? Как говаривал бессмертный Митрофанушка-недоросль, «к чему изучать географию, когда есть извозчики»? За свои деньги они могут нанять лучших специалистов и заставить их работать на себя.

И если можно говорить о каких-то талантах сегодняшних Морганов, то это, пожалуй, лишь нюх на покупку наилучших администраторов. «Основная сила банка Морганов, — писал тот же «Форчун», — в кадрах, в быстро поворачивающихся, хорошо знающих свое дело управляющих». Впрочем, дело даже не в талантах нынешних Морганов, а в моргановских деньгах. Гигантские богатства дают им возможности покупать на свои деньги все самое лучшее — заводы, рудники, дворцы, яхты, а также и управляющих.

И здесь нам следует вернуться к обидчивому мистеру Генри Клею Александеру, о котором уже шла речь. Именно он в настоящее время возглавляет всю иерархию моргановских управляющих, является главным визирем «империи Морганов». Этот высокий сухопарый 63-летний мужчина, с глубокими складками на лице и брезгливо опущенными уголками рта, сосредоточивает в последние годы в своих руках наивысшую власть в том огромном комплексе, который именуется бизнесом дома Морганов. Кстати, и сама обидчивость, а точнее, чувствительность Александера к правде о нем, очевидно, — порождение своеобразного «комплекса неполноценности», результат сознания призрачности своего могущества, зависимого от хозяев положения хотя и хорошо оплачиваемого, но слуги.

Александер — типичная для менеджеров фигура — начал свою деятельность после окончания юридического факультета Йельского университета в качестве юрисконсульта одной из

моргановских компаний. На первый взгляд может показаться странным, что банкиры и предприниматели Морганы обратили свое благосклонное внимание не на финансиста, не на инженера, а на юридического крючка, ловко маневрировавшего в лабиринтах американского законодательства.

Случилось так, что в 30-е годы, в обстановке «великого кризиса», под напором трудящихся правительство Рузвельта предприняло некоторые шаги, создавая видимость борьбы с монополиями. Против ряда корпораций, подмявших под себя уж слишком много, было выдвинуто обвинение в нарушении так называемых антитрестовских законов. Попал под кампанию и банкирский дом Морганов. На этом хозяева Вашингтона того времени рассчитывали заработать особенно большой политический капитал — дескать, на самих Морганов замахнуться не побоялись. Рост рабочего движения в тот период требовал мер экстраординарных, для того чтобы, «приоткрыв клапана», снизить опасное давление народного гнева.

Бывшему в то время главой этого дома Джону Пирпонту Моргану II пришлось отправиться в Вашингтон и предстать перед сенатской комиссией по делам банков. Его советником во время этих заседаний был Александер. Его ловкости в немалой степени Морганы обязаны тем, что обвинение в нарушении антитрестовских законов с них было снято. Впрочем, речь идет лишь о форме, ибо по существу успех Александера был связан с тем, что всерьез притеснять Морганов, не для вида, не для демагогии, а по существу предпринять шаги для ослабления их влияния ни один буржуазный правитель Вашингтона не решался и не решится. Именно это обстоятельство и было использовано оборотистым и сообразительным юристом.

С этого момента карьера Александера была обеспечена. Он стал компаньоном своих хозяев, их доверенным лицом. В годы войны, когда правительственные военные заказы приобрели для воротил большого бизнеса особое значение, Александер командируется своими хозяевами в Вашингтон. Этот сугубо штатский человек становится вице-председателем правительственного управления стратегической бомбардировочной авиации. Сколько заработали на этой операции Морганы, знают лишь их семейные архивы. Что касается Генри Клея Александера, то, получив от правительства высокую награду — медаль «За заслуги», он вернулся к своему бизнесу. И очень скоро Джуниус Спенсер Морган, тяготившийся бременем руководства, решил уйти с поста председателя правления семейного банка, назначив на это место верного человека — Генри Клея Александера. Впервые во главе

морганoвского банка стал человек, не входящий в семейство Морганов.

Это произошло в 1950 году. Он принял бразды правления от Джорджа Уитни, бывшего премьер-министром «морганoвской империи» с 1940 года, когда он сменил постаревшего Ламонта. Таким образом, Александер, так же как и его хозяева, может претендовать на порядковый номер: он является третьим по счету главноуправляющим своих хозяев. Правда, впервые такой управляющий и формально возглавил банк, сев в кресло председателя его правления.

Голос Александера — это голос, к которому сегодня внимательно прислушиваются на биржах Нью-Йорка и Лондона, в вашингтонских департаментах. Ведь это голос морганoвских миллиардов. Не случайно поддержки Александера искали и ищут руководящие деятели американской столицы. Одним из своих главных политических капиталов в ходе избирательной кампании 1960 года Ричард Никсон считал поддержку Александера.

А когда, вскоре после убийства Кеннеди, Александер посетил Белый дом и обещал свою поддержку Линдону Джонсону, американская печать расценила это как факт первостепенной политической важности, который должен был сыграть важную роль на выборах 1964 года.

Но Александер стареет. Ему уже труднее рыскать в поисках прибылей для своих хозяев. И вот все чаще на Уолл-стрите говорят, что недалеко то время, когда Морганы сменят своего премьер-министра. Называют уже и кандидатуру его преемника. Это Томас Гейтс-младший. Он потомственный банкир. Его отец, Томас Гейтс-старший, возглавлял крупную финансовую компанию в Филадельфии и считался представителем Морганов среди филадельфийских банкиров.

Гейтс хотя и именуется «младшим» — вполне зрелый муж: ему далеко за пятьдесят, и он имеет большой опыт и в бизнесе, как компаньон своего отца, и в политике. В 1959 году Эйзенхауэр назначил его на один из ключевых постов в своем правительстве — на пост министра обороны, вручив этому ставленнику морганoвских банков распределение правительственных военных заказов среди предпринимателей. Надо думать, что, с точки зрения Морганов, Гейтс справился с этим делом неплохо. Во всяком случае, когда правительство Эйзенхауэра, потерпев поражение на выборах, ушло в отставку, Гейтс не только был принят с распростертыми объятиями в морганoвской штаб-квартире, но и сделан ближайшим помощником Александера. А сейчас держащие нос по ветру служащие морганoвских компаний обращаются с ним особенно почтительно и предупредительно:

слух, что он наследует пост, занимаемый Александером, распространился широко.

Но как бы ни было велико влияние и могущество Александера и Гейтса, они остаются спицами в моргановской колеснице. А Морганы остаются Морганами, что бы там ни городили авторы побасенок о «революции управляющих», «демократизации капитала», «народном капитализме» и тому подобных сказок для политических младенцев.

Да, люди, носящие сегодня фамилию Морганов, входящие в состав одного из самых богатых и могущественных семейств капиталистического мира, обладающие ценностями, с которыми не может потягаться никто, посредственны, ординарны, лишены деловых талантов и индивидуальности. Да, они неспособны управлять и не управляют своим гигантским бизнесом, паутиной опутавшим десятки стран, сотни банков, страховых компаний, производств и отраслей промышленности.

Но Морганы, ставшие не столько фамилией нескольких десятков обладателей несметных богатств, сколько именем — символом современного капитализма, это не Джон, или Генри, или Томас, или Аллен Морганы. Морганы не они, Морганы — их деньги, их миллиарды, награбленные вековой эксплуатацией, кровью, потом и слезами миллионов людей.